

REFERENCES

1. Balli Sh. Francuzskaja stilistika / Per. s fr. Sh. Balli. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1996. 394 s.
2. Berdnikova L. P. Kontakty anglijskogo i ispanskogo jazykov: Ucheb. posobie / L. P. Berdnikova, N.V. Gurova. Pjatigorsk: Pjatigorsk. gos. lingvist. un-t, 2004. 155 s.
3. Grigor'ev V. P. Tak nazyvaemye internatsional'nye slozhnye slova v sovremennom russkom jazyke // Voprosy jazykoznanija. 1959. № 1. S. 65–78.
4. Grinev S. V. Terminologicheskie zaimstvovanija // Lotte D. S. Voprosy zaimstvovanija i uporjadochenija zaimstvovannyh terminov i terminojelementov. M.: Nauka, 1982. S. 108–135.
5. Alarcón Álvarez E. Diccionario de términos informáticos e Internet. Edición 2007. Madrid, Anaya multimedia. 416p.
6. Pfaffenberger B. Diccionario de términos de computación. México, Prentice Hall, 1999. 576 p.

M. A. Krivonosova

СИНТЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА (на примере стихотворения «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»)

Представлен анализ философско-эстетического плана содержания языковых единиц стихотворения Максимилиана Волошина «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» как результата развития в них символического значения. Рассмотрены случаи трансформации узувальных символов и развития в них индивидуально-авторского символического значения в поэтическом тексте.

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, философско-эстетический план содержания языковых единиц, символическое значение.

M. A. Krivonosova

Synthesis of Artistic Expression and Philosophical Thought in Maximilian Voloshin's Works (poem "To Be the Black Earth. Obediently Uncovering the Chest ...")

An analysis of the philosophical and aesthetic content of language units in Maximilian Voloshin's poem "To Be Black Earth. Obediently uncovering the chest" is given focusing on the development of the symbolic value. The cases of symbols' transformations, and their development into the author's individual symbolic meanings are considered.

Keywords: Maximilian Voloshin, philosophical and aesthetic content of the plan of language units, symbolic meaning.

События первой половины XX века — эпохи духовных изломов, политических взрывов и личностных потрясений — нашли отражение в произведениях творческой интеллигенции этого времени. Отмеченное С. Л. Франком «органическое духовное сродство»* философии и художественного слова в русской культуре стало скорее правилом, чем исключением (М. В. Ломоносов,

Д. И. Веневитинов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, Вл. Соловьев, М. А. Волошин). Это близкое, почти интимное слияние можно попытаться объяснить единством внутренних семантических закономерностей, отраженных в значении текстовых единиц, — процессами «сгущения» и «расширения мысли»**. Анализируя явления интегра-

тивной деятельности между философией и литературой, Светлана Николаевна Стародубец констатирует, что «степень взаимопроникновения двух обозначенных составляющих будет определяться двумя разновидностями включения — философии в литературу, литературы в философию» [11, с. 49].

В этой связи творчество Максимилиана Александровича Волошина, представляющее собой сложное художественное единство (охватывающее области как искусства и литературы, так и философии и культуры в целом), вызывает все больший интерес.

О необходимости рассматривать поэтические произведения М. Волошина в контексте русской философской мысли говорил еще Эрик Соловьев, убежденно полагая, что оно «принадлежит не только истории русской живописи и поэзии, эссеистики и художественной критики» [10], но и является «одной из интереснейших (к сожалению, по сей день профессионально не прочитанных) страниц в отечественной философии. Особенно значимы в этом смысле стихи Волошина. Они не просто философски весомы, что подмечено уже давно. Многие из них представляют собой законченные и опти-

мальные экспликации философских смыслов, которые обедняются и тускнеют при всякой попытке их комментаторского переказа на языке философской прозы» [10].

Предпринимая попытку определить место М. Волошина в русской философии, Леонид Наумович Столович отмечает: «В самой философии существуют не только *лого-рациональный стиль* и *стиль религиозно-мистический*, но также *эстетическо-образный стиль* изложения философских идей» [12, с. 133]. По мнению же Александра Васильевича Лаврова, «приоритет философских и историко-культурных интересов Волошина заметно сказался на его стихотворных произведениях» [3, с. 19].

Следовательно, представляется перспективным исследование философско-эстетического синтеза на поле художественного текста.

Автором данной работы предпринята попытка анализа философско-эстетического плана содержания языковых единиц стихотворения «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» как результата трансформации символического значения узальных и окказиональных символов.

Александре Михайловне Петровой

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

Сентябрь 1906

Стихотворение (как и весь цикл «Звезда Полынь», эпиграфом к которому оно выдано) посвящено Александре Михайловне Петровой, преподавателю феодосийской

женской гимназии, хорошо знавшей историю и культуру Крыма, увлекавшейся оккультными учениями и, естественно, интересовавшейся М. Волошина как одаренная и

неординарная личность: «Она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий». Это посвящение не случайно: Александра Михайловна была не просто доброй знакомой, ценителем творчества поэта, но человеком, способным почувствовать самые интимные душевные изменения Волошина: «Вы... можете понять каждый шаг, каждую новую ступень, в то время как для всякого другого, сделайся он ближайшим моим другом, я буду только величиной со многими неизвестными...» [6, с. 25].

Сближение и тесное единение философских размышлений и поэтического текста происходит благодаря тому, что книга жизненных событий и книга творчества у М. Волошина, в известной степени, тождественны. Подтверждением этому могут служить и слова самого поэта из неопубликованного предисловия к книге: «Читатель! Вот книга лирики. Я писал ее десять лет. В ней нет иного единства, чем единство моего Я. Оно менялось и преображалось. Вместе с ним менялись стихи. Так что у всей книги нет иного имени, чем мое собственное...» [2, с. 435]. Это обращение можно адресовать как ко всей книге стихов, так и к каждому отдельному стихотворению. Жизненное и творческое начала в судьбе поэта сплелись настолько тесно, что его стремление придать своим духовным размышлениям некий художественно оформленный вид может рассматриваться как попытка к осмыслению и самоопределению в культурном пространстве эпохи.

Стихотворение «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» отличается, с одной стороны, развитой структурой, высокой семантической нагрузкой на каждый

компонент, каждую единицу текста; с другой, — неделимой цельностью, которая «собирает» этот текст в стихотворение-символ. Последняя особенность проявляется и в подчинении всего текста единой идее (обретения человеком Бога и шире — восхождения материи (земного, человеческого) к вечному Духу (небесному, Божественному)) и раскрывается, усиливается благодаря присутствию многочисленных глубинных смыслов в каждой лексической единице.

Смысловый стержень рассматриваемого стихотворения можно выразить словами самого поэта: «Божественный Дух погружается постепенно в материю, постепенно отказывается от себя для того, чтобы погаснуть совершенно в безднах материи <...>. И тогда материя, преображенная и самосознующая, начинает свое восхождение к вечному Духу» [5, с. 234].

Постараемся проследить отражение этого тезиса М. Волошина в тексте стихотворения «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...», и, наоборот, «расшифровать» произведение, отталкиваясь от философской идеи автора.

В этой связи нам представляется удобным начать анализ поэтического текста, обозначив два семантических центра, составляющих смысловой каркас произведения и проявляющихся, прежде всего, на лексическом уровне.

1. Лексические единицы, обозначающие материальное, земное начало («материя»).

2. Лексические единицы, обозначающие Божественное, небесное начало («Божественный Дух»).

3. Лексические единицы — метафорические синкреты, отсылающие читателя к двум полюсам (Дух ↔ дух).

<p>Данные семантические центры образуются текстовыми группами (=парадигмами) слов следующим образом: существительные, имеющие в своей семантике символический компо-</p>	<p>быть, ослепнуть, чувствовать + земля + черная раскрыв + грудь быть, пить, ждть + земля + вспаханная раны быть, внимать, видеть + Земля + Мать шуршит + рожь</p>
--	---

<p>нент, эксплицируют атрибуты и предикаты, которые способствуют раскрытию этого значения.1. Материя (земное начало)</p>	
<p>2. Божественный Дух (Божественное/ небесное начало)</p>	<p>пламя сверкающее + око священный + путь Слово + сойдет, распнется алмазных рун чертеж черное + небо созвездья + плывущие</p>
<p>3. Дух ↔ дух (Божественный Дух как проявление небесного ↔ дух, зарождающийся в земном под воздействием божественного)</p>	<p>серое бремя небесного покрова потоки темных вод вонзившийся + плуг + ведет</p>

Рассмотрение каждого из названных смысловых центров невозможно в отдельности. Это связано с тем, что семантическая наполненность лексических единиц, составляющих тот или иной центр, обусловлена наличием комплекса значений контактно и дистантно расположенных лексем, создается, в том числе, благодаря особому смысловому окружению.

Тем не менее, попробуем в своем анализе обратиться к каждому из обозначенных нами выше семантических центров.

Так, в текстовой группе слов, организуя уровень Материя (земное начало), обращает на себя внимание тройная анафора «*Быть ... (черною / вспаханной / Матерью) землей*». Земля — это не только один из первоэлементов мироздания, но и древнейший символ, связанный как с идеей рождения, так и с идеей смерти. Для земли характерна «женская, в отличие от Неба, первоэманация в мифологическом космогенезе. Творение мира часто преподносится в виде брака Неба и Земли. Как первоэлемент характеризуется женскими и пассивными качествами» [9, с. 182].

В поэзии Максимилиана Волошина тема Земли пронизывает не одно стихотворение. Наталья Владимировна Сухорукова отмечает, что «мотивный комплекс темы Земли в

ЗП (Звезда Полюнь) является циклообразующим, а сама тема Земли — центрирующей для раздела» [13, с. 329] и что это «необходимо учитывать при интерпретации как лирических циклов, так и отдельных стихотворений раздела» [13, с. 330]. Кроме того, нужно помнить, что книгу «Звезда Полюнь» написал уже взрослый поэт. Его дух прошел через «горькую любовь» и обратился к горькой Земле. Он старался осознать себя в истории астрологических планет... он искал себя в католическом символизме и христианской мистике, он припадал к трагической земле древней Киммерии, ставшей его приемной родиной...» [2, с. 436].

В этой связи эпитеты, которыми М. Волошин сопроводил лексему Земля, становятся достаточно прозрачными (*черная* → *вспаханная* → *Мать-Земля*): они передают восходящее движение — не просто изменение, но развитие.

Черная земля (= плодородная почва для зарождения = человеческая душа) отсылает нас к древнейшим представлениям о материнстве (ср.: «мать — сыра земля» у славян). А употребленное затем существительное *грудь* привносит дополнительный оттенок значения — не только «вместилище души», но и «изобилие, плодородие, питаю-

щая силой кого-либо, что-либо' — и указывает на женское, материнское начало.

Вспаханная земля (= взрытая, взрыхленная, то есть подготовленная для принятия семени, чтобы впоследствии сделаться *Матерью-Землей* = душа открытая, внемяющая). Стоящее рядом, в одной смысловой связке существительное *раны* (= борозды) символизирует расчленение первоначально закрытой материи на множественность творения, открытость земли небесному влиянию, вход для проникновения Божественной энергии.

И, наконец, *Мать-Земля* (= источник, давший жизнь = общемировая душа) становится таковой тогда, когда многократно умножает зерно, попавшее на ее плодородную почву. Известно, что языческий, хтонический, чувственный культ Матери-Земли часто противостоял духовному культу Небесного Отца, и победа Высшего над низшим стала возможной лишь благодаря снисхождению, жертве, а через это — духовному оплодотворению. В Евангелии от Иоанна (12:24) Иисус Христос говорит: «Истинно говорю вам: если зерно, упавши в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода...».

Второй смысловой центр, обозначенный нами как Божественный Дух (небесное начало), также образуется достаточно яркими номинациями. Здесь «сошедшее» и «распятое» *Слово* — прямая отсылка к Евангелию: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез него начало быть...» (Ин. 1, 1–4). Уже само написание лексемы с прописной буквы свидетельствует о высшем его происхождении. *Слово* в Новом Завете однозначно соответствует Спасителю. Отсюда: *Слово* → Спаситель, сошедший и распятый в человеческой душе → в общемировой душе.

Кроме того, «в Библии Слово Господа ассоциируется с голосом «из среды огня», славой и величием Господа» [16, с. 457]. И в этой связи наблюдаем единство происхо-

ждения *пламени сверкающего* (= огненного, = дарящего свет) *ока* и *Слова*. Свет в христианской традиции означает, прежде всего, «евангельское учение и все просвещающее разум человека» [8, с. 180]. Утверждается, что «сама стихия света есть божество, не терпящее ничего темного, нечистого <...> понятия светлого, благого божества и святости неразлучны» [8, с. 180].

Предпосылкой для восприятия *Слова* в том значении, которое обозначено нами выше (Дух), становится целый ряд лексем, относящихся к текстовым парадигмам слов со значением Божественный дух / дух как проявление Божественного в человеческом: *пламя сверкающего ока* (= Дух) → *плуг, вонзившийся глубоко* (=Дух ↔ дух) → *священный путь* (=Дух ↔ дух) → *серое бремя небесного покрова* (=Дух ↔ дух) → *потoki темных вод* (=Дух ↔ дух) → *Слово* (= Дух) → *Мать-Земля* (Дух ↔ дух) → *алмазных рун чертеж* (=Дух). Представленные в одной символично-смысловой цепи, они передают способ нисхождения небесной истины в земную материю. Так, существительное *бремя* уже воспринимается как 'ожидание рождения'. *Вода* же является не только источником всякой жизни, вышедшей из нее, но и в качестве «элементарного символа... оживляет, несет плодородие» [1, с. 42]. Отсюда символизм *темных вод*, нисходящих из *небесного покрова* в *распаханную* землю. Кроме того, употребление эпитетов *серый, темных* сообщает дополнительный оттенок значения: придает происходящему ореол таинственности, сакральности.

Признавая доминирующим библейское понимание значения *Слова*, нужно согласиться, что в поэзии Максимилиана Волошина *Слово* не может быть ограничено лишь названным смысловым наполнением: в какой-то степени оно отсылает нас и к древнеегипетскому мифу о сотворении мира словом (которое произнесено богом Птахом), и к античному учению о Слове-Логосе. Волошинское понимание *Слова* вбирает все названное и соединяет воедино.

Человек, с одной стороны, божественен, с другой, — сам является творцом, созидателем. Это и сам Волошин, и лирический герой, и «мировая первооснова человеческого самосознания» [4, с. 13].

В этой связи *руны* — древнегерманские (ок. II в. н. э.) языческие письменные знаки — не только не составляют смыслового напряжения (рядом с христианским *Словом*), но и раскрывают новую глубину семантики Божественного (небесного) центра стихотворения.

Так, строки «*И видеть над собой алмазных рун чертеж:/ По небу черному плывущие созвездья*» — это не просто изобразительный набросок Волошина-живописца. Поэтом не случайно выбрано определение *алмазных*. Оно несет в себе семантику небесного, Божественного. Этому камню издревле приписываются только положительные свойства: свет и жизнь, постоянство в любви и страдании, негибкая честность и предельная чистота; известно также, что алмаз «считается символом Спасителя Иисуса Христа, так как последний родился на Востоке ночью» [1, с. 14] (считалось, что алмаз находят лишь ночью на Востоке). А существительное *созвездья*, как и *черное* (=ночное) *небо*, может быть рассмотрено как «символ космического порядка... не всегда осознаваемого «света свыше» [1, с. 90]. Ведь и символ Христа — звезда светлая и утренняя (Откр 22:16). Таким образом, земное начало, воспринявшее божественное *Слово*, преобразованное им, обретает возможность «*видеть алмазных рун чертеж*», то есть небесные космические письмена.

В этом смысловом центре также обращают на себя внимание лексемы *путь*, *чертежи*. Вместе с глаголом *ведет* (*плуг*) они сообщают значение предопределенности, предначертанности, неотвратимости назначенной свыше судьбы.

Уже в семантике существительного *плуг* присутствует символический компонент. *Плуг* — это часть небесной силы, преобразующей земное начало, орудие, с помощью

которого происходит подготовка (= «самосознание») к изменению (= «восхождению») материи. Таким образом, *плуг* в данном контексте становится связующим звеном при взаимодействии Божественного и земного. Известно, что в древних земледельческих культурах символика *плуга* связывалась с оплодотворением земли, а вспахивание «матери-земли» сопоставлялось с половым актом [1, с. 209], что явилось следствием представлений о браке Неба и Земли.

Особый интерес вызывает функционирование существительного *рожь*. «Во всех культурах, где зерно является основным продуктом питания, оно имеет магический, позитивный символизм: продолжение жизни после смерти, возрождение, божественный дар жизни — пшеничное, ячменное или кукурузное зерно ложится в землю, как бы умирая, но вновь прорастает весной» [15, с. 218]. Примечательно, что поэт использует название именно этого злака. Рожь — то, что рождено — воскрешает в сознании читателя христианские ассоциации. В христианстве колосья пшеницы — это не только «хлеб евхаристии, тело Христово, благодать, праведное, Божье», «колос изображался на платье Девы Марии в средние века и в эпоху Возрождения» [15, с. 220]. В этом аспекте выстраивается связь *рожь* → *земля*; *земля* приобретает женское, рождающее, творящее начало.

Противопоставление и итоговое слияние земного, материального, человеческого и небесного, Божественного поддерживается и посредством глаголов, каждый из которых получает дополнительную смысловую нагрузку. Группы глаголов, функционирующие в тексте, передают этапы восприятия земным небесного, реализуя соединение человеческого (= земного) и Божественного (= небесного).

Важно отметить, что глаголы, связанные с существительным *Земля* в каждом из указанных ее проявлений (*быть* — *раскрыть* (=раскрыв) — *ослепнуть*, *быть* — *пить* —

ждать, быть — внимать — видеть), не просто отражают процесс восприятия земным небесного, но и вносят добавочный оттенок значения (кроме глагола *быть*): пассивности, благоговейного спокойствия, готовности принимать. Это не характерно для глаголов, относящихся к другим субъектам. Так, *плуг — вонзившийся (глубоко), ведёт; Слово — сойдёт, распнётся; созвездья — плывут; рожь — шуришит*. Соответственно семантическая парадигма слов, относящихся в контексте данного стихотворения к небесному, противопоставлена земной по принципу активности — внемлющей пассивности действия. В этом проявляется действенное, творящее начало Небесного.

Таким образом, все языковые средства, рассмотренные нами выше, призваны вербально и невербально передать «*таинства возврата и возмездья*», то есть процесс нисхождения Божественного Духа в материю, ее Самоосознания, Преображения и Восхождения.

В свете вышесказанного весомо выступают эпитеты *чёрная (земля)* в первом стихе, *чёрное (небо)* — в последнем. Здесь — зеркальность, отражение вспаханной, оплодотворённой, родившей Земли в звёздном Небе, а точнее, — отражение Неба в Земле: происходит творение по образу и подобию Творца, а не наоборот.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить:

1. История русской философской мысли определена особым взаимоотношением философии и поэзии. Творческий порыв, наделенный трезвостью и рационализмом философских воззрений, приближается к духовной явности, прозрачности; в свою очередь, философские воззрения, озаренные горением творчества, приобретают новые глубинные смыслы.

2. Пытаясь осознать свое положение в культурном пространстве рубежа веков и выразить результаты этого осмысления в художественном слове, Максимилиан Александрович Волошин, по существу, сам становится феноменом эпохи; поэзия его рассматривается как «область самой высокой интеллектуальной ясности, артикулированности и выраженности» [10].

3. Философский план содержания в стихотворении М. Волошина «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» репрезентируется посредством обращения автора к библейским традициям (*Слово, пламя сверкающего (= огненного) ока, алмазных рун чертеж, созвездья*), посредством использования узуальных символов и развития в них индивидуально-авторского символического значения (*Земля (черная → вспаханная → Мать-Земля) + раны; серое время → небесный покров → потоки темных вод → Слово + алмазные руны + чертеж; путь; плуг; рожь*).

4. Смысловой каркас произведения образован двумя текстовыми парадигмами слов, составляющими семантическую корреляцию: Материя (земное начало) ↔ Божественный Дух (небесное начало); причем значение каждого компонента названных смысловых центров обусловлено семантикой контактно и дистантно употребленных лексем, а также концепцией всего стихотворения.

5. Такая смысловая двуплановость анализируемого текста определена: экстралингвистически — религиозно-философской категориальной корреляцией Божественного Высшего, Небесного) и человеческого (материального, земного); внутрилингвистически — гиперсмысловой нагрузкой слова в контексте произведения / произведений художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

* «Между художником и мыслителем существует органическое духовное сродство, в силу которого все подлинные и великие представители каждой из этих форм творчества не только как личности, в большей или меньшей степени, сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их

внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника, разветвлениями которого они являются» [14, с. 315].

** «Слово может быть орудием, с одной стороны, разложения, с другой, — сгущения мысли, единственно потому, что оно есть представление, то есть не образ, а образ образа» [7, с. 196].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов / Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. И. С. Свеницкой М.: Республика, 1996. 335 с.
2. *Волошин М.* Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и подгот. текста В. П. Купченко, А. В. Лаврова; коммент. В. П. Купченко. М.: Эллис, Лак 2000. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926, 2003. 608 с.
3. *Лавров А. В.* Жизнь и поэзия Максимилиана Волошина // Волошин Максимилиан. Стихотворения и поэмы. СПб.: Наука, 1995.
4. *Максимилиан Волошин.* Индивидуализм в искусстве // Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с.
5. *Максимилиан Волошин.* Любовь — вся жизнь: Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное/ Сост., ил., вступ. сл., коммент. Н.М. Мирошниченко. Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. 368 с.
6. *Пинаев С. М.* «Близкий всем, всему чужой...»: Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте Серебряного века. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996.
7. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
8. *Сергеева Е. В.* Особенности семантики лексемы «свет» в религиозно-философском тексте конца XIX — начала XX века // Текст как объект многоаспектного исследования. Ставрополь, 1998. С. 64–69.
9. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын / Под общ. Ред. В.Л. Телицына. 2-е изд. М.: ЛОКИД-ПРЕСС: РИПОЛ классик, 2005. 495 с.
10. *Соловьев Эрих.* Благослови свой синий окоем [Электронный ресурс] URL: <http://voloshin.ouc.ru/erih-solovev-blagoslovi.html>. (Дата обращения: 21.06.2013. 21:15).
11. *Стародубец С. Н.* Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И. А. Ильина: Дис. ... д-ра филол. М., 2010. 519 с.
12. *Столович Л. Н.* Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии (К 130-летию со дня рождения М. А. Волошина) // Вопросы философии. М.: Наука, 2008. С. 133–146.
13. *Сухорукова Н.В.* Цикловой сюжет раздела «Звезда Полюнь» книги М. Волошина «Годы странствий» Тезисы: Материалы Международных научно-практических конференций XII, XIII, XIV Волошинские Чтения / Сост. Е. В. Комарова, И. В. Левичев, Н. М. Мирошниченко. Феодосия: Арт Лайф, 2009. С. 329–331.
14. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 740 с.
15. Энциклопедия символов / Сост. В.М. Рошаль. М., СПб.: Сова, 2007. 515 с.
16. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. М.: Локид; Миф, 2000. 556 с.

REFERENCES

1. *Bidermann G.* Entsiklopedija simvolov / Per. s nem. / Obshch. red. i predisl. Svenitskoj I. S. M.: Respublika, 1996. 335 s.
2. *Voloshin M.* Sbranie sochinenij: V 10 t. / Sost. i podgot. teksta V. P. Kupchenko, A. V. Lavrova; koment. V.P. Kupchenko. M.: Ellis, Lak 2000. T. 1. Stihotvorenija i pojemy 1899–1926, 2003. 608 s.
3. *Lavrov A. V.* Zhizn' i poezija Maksimiliana Voloshina // Voloshin Maksimilian. Stihotvorenija i pojemy. SPb.: Nauka, 1995.
4. *Maksimilian Voloshin.* Individualizm v iskusstve // Liki tvorchestva. L.: Nauka, 1988. 848 s.
5. *Maksimilian Voloshin.* Ljubov' — vsja zhizn': Stihotvorenija. Perevody. Stat'i. Vospominanija o Maksimiliane Voloshine. Izbrannoe / Sost., il., vstup. sl., komment. N. M. Miroshnichenko. Simferopol': DIAPI, 2008. 368 s.
6. *Pinaev S. M.* «Blizkij vsem, vsemu chuzhoj...»: Maksimilian Voloshin v istoriko-kul'turnom kontekste Serebrjanogo veka. M.: Ros. un-t družby narodov, 1996.
7. *Potebnja A. A.* Estetika i poetika. M.: Iskusstvo, 1976. 614 s.

8. Sergeeva E. V. Osobennosti semantiki leksemy svet v religiozno-filosofskom tekste kontsa XIX — nachala XX veka // Tekst kak objekt mnogoaspektного issledovanija. Stavropol', 1998. S. 64–69.
9. Simvolj, znaki, emblemy: nciklopedija / Avt.-sost. V. Je. Bagdasarjan, I. B. Orlov, V. L. Telitsyn; pod obw. Red. V.L. Telitsyna. 2-e izd. M.: LOKID-PRESS: RIPOL klassik, 2005. 495 s.
10. Solov'ev J.Erih. Blagoslovi svoj sinij okoem [Elektronnyj resurs] URL: <http://voloshin.ouc.ru/erih-solovev-blagoslovi.html>. (Data obrashchenija: 21.06.2013. 21:15).
11. Starodubec C.N. Specifika organizacii jazykovyh simvolicheskikh sredstv v diskurse I.A. Il'ina: Dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. M., 2010. 519 s.
12. Stolovich L.N. Maksimilian Voloshin v kontekste istorii russkoj filosofii (K 130-letiju so dnja rozhdenija M. A. Voloshina) // Voprosy filosofii. M.: Nauka, 2008. S. 133–146.
13. Suhorukova N.V. Ciklovoj sjuzhet razdela «Zvezda Polyn'» knigi M. Voloshina «Gody stranstvij». Tezisy // Materialy Mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij XII, XIII, XIV Voloshinskie CHtenija/ Sost. E.V. Komarova, I.V. Levichev, N.M. Miroshnichenko. Feodosija: Art Lajf, 2009. S. 329–331.
14. Frank S. L. Russkoe mirovozzrenie. SPb.: Nauka, 1996. 740 s.
15. Entsiklopedija simvolov / Sost. V. M. Roshal'. M., SPb.: Sova, 2007. 515 s.
16. Entciklopedija simvolov, znakov, emblem / Sost. V. Andreeva i dr. M.: Lokid; Mif, 2000. 556 s.

V. B. Шкатова

ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРАКТИЧНОСТЬ» В АНГЛИЙСКИХ ИДИОМАХ МОРСКОЙ ТЕМАТИКИ

Раскрывается семантическое содержание понятия «практичность» в английском языке; рассматривается образная составляющая идиом морской тематики, выражающих это понятие; определяется место, роль и символическая функция данных идиом в английской фразеологической картине мира.

Ключевые слова: понятие, семантическое содержание, идиома, образ, фразеологическая картина мира, национально-культурное своеобразие.

V. Shkatova

The Reflection of the Notion “Practicality” in English Nautical Idioms

The article deals with the semantic content of the notion «practicality» and its symbolic representation in English nautical idioms. The focus of the analysis is on defining the place, role and symbolic function of these idioms in English phraseological picture of the world.

Keywords: notion, semantic content, idiom, image, phraseological picture of the world, national-cultural peculiarity.

Фразеологические единицы (ФЕ) любого языка, в семантике которых актуализируются социально наиболее релевантные явления на определенном этапе развития общества, содержат большой объем национально-культурной информации. Особенность подобной информации состоит в том, что она представляет собой не просто аккумулярованные знания, а результат их разного переосмысления. Образы, символы,

эталоны, архетипы и мифологемы, содержащиеся в ФЕ, отражают мировидение и миропонимание носителей данного языка, образуют так называемую национальную «фразеологическую картину мира» [2; 3; 6]. Рассмотрение внутренней формы фразеологизмов и их образной составляющей в рамках лингвокультурологического подхода помогает раскрыть комплекс наивных представлений носителей языка о том или